

ГРАФЪ Н. М. КАМЕНСКІЙ 2-й.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806 — 1812 гг.

(Статья четвертая.)

XXIV.

Дѣйствія Исаева въ Сербіи.—Движеніе къ Неготину и отступленіе въ Малую Валахію.—Смущеніе сербовъ и шаткость убѣжденія ихъ правительства.—Присылка депутатовъ въ главную квартиру.—Удаленіе Родооштиняна.—Прокламація графа Каменскаго къ сербамъ.—Дѣйствія графа Цукато въ Сербіи.—Взятіе Бирво-Цаланки.—Дѣло при Праовѣ.—Движеніе графа Орурка къ Банѣ и взятіе ея.—Движеніе его къ Делиграду.—Взятіе Кладова, Оравы, Неготина и сраженіе близъ Ясеики.

Еще прежде, по распоряженію князя Багратіона ⁽¹⁰³⁾, Исаевъ, переправясь черезъ Дунай у Острова, нашель по ту сторону непріятельское укрѣпленіе при урочищѣ Дуду, на рѣчкѣ Дзимнѣ. Марта 12-го, авангардъ его, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа де-Бальмена, очищаль дорогу, пробираясь сквозь густой колючій лѣсъ, въ которомъ скрывался непріятель. Довольно большихъ затрудненій стоило вытѣснить непріятели изъ лѣса на открытую лощину. Заставивъ отступитъ турокъ и вытѣснивъ ихъ на лощину, графъ де-Бальменъ устроилъ батарею, которая наносила большой вредъ какъ верхнему укрѣпленію, такъ и непріятельскому лагерю. Въ то же время по береговой дорогѣ посланъ былъ Исаевымъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ подполковника Савоини, чтобы прикрыть переправу и форсировать нижнюю турецкую батарею,

⁽¹⁰³⁾ Арх. военно-топографическаго депо, № 52,695.

что и исполнено было съ успѣхомъ. Ночная темнота прекратила сраженіе. Въ ночь, Исаевъ, видя, что, со взятіемъ верхней турецкой батареи, укрѣпленный непріятельскій лагерь долго держаться не можетъ, приказалъ подполковнику Цвилленеву, съ двумя баталіонами Новоингерманландскаго полка и одною ротой Ладожскаго полка, взять эту батарею штурмомъ. На разсвѣтъ 12-го числа, Цвилленевъ, пользуясь темнотою ночи, овладѣлъ батареею, захвативъ у непріятеля одно орудіе. Батарея была тотчасъ же исправлена, вооружена нашими орудіями, послѣ чего открыто дѣйствіе по укрѣпленному непріятельскому лагерю.

Предполагая, что, со взятіемъ батареи непріятель долго держаться не будетъ, Исаевъ приказалъ графу де-Бальмену обойти, съ двумя баталіонами пѣхоты, непріятельскую позицію и съ разсвѣтомъ атаковать ретраншаменты, находившіеся за мостомъ, въ то самое время, когда будетъ произведена атака лагеря съ горы. Турки, увидѣвъ де-Бальмена у себя въ тылу, отступили влѣво, по берегу Дуная. Патруль отряда де-Бальмена открылъ это отступление, что и заставило перемѣнить направленіе отряда, двинувшагося теперь наперерѣвъ отступленія турокъ. Новый путь пролегалъ черезъ горы и весьма густой лѣсъ, отчего де-Бальмень успѣлъ отрѣзать только самую небольшую часть непріятельскаго арьергарда—около ста человекъ и одной пушки—которая и была уничтожена.

Такъ кончилось сраженіе, въ которомъ участвовали до тысячи турокъ, подъ начальствомъ Ибрагима-паши. Войска наши не были введены всѣ въ дѣло, оттого и самое сраженіе не отличалось особою рѣшительностію и не принесло полныхъ результатовъ. Незнаніе дорогъ и весьма пересѣченная мѣстность дозволили одновременно употребить не болѣе четырехъ орудій и нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Марта 13-го Исаевъ пошелъ преслѣдовать непріятеля по береговой дорогѣ, до самаго главнаго и весьма укрѣпленнаго лагеря, противъ нижняго мыса Острова, куда отступали турки со всѣхъ сторонъ. Исаевъ доносилъ, что на всякомъ шагу встрѣчаетъ укрѣпленія, которыя затрудняли его движеніе къ Неготину.

Оставивъ на островѣ Оломаре два полка подъ начальствомъ полковника Желтухина, для блокированія расположеннаго тамъ турецкаго укрѣпленія, самъ Исаевъ получилъ приказаніе вер-

нучься. Турки, вступили въ переговоры о сдачѣ укрѣпленных заціониди съ Абдулхидимомъ, кашигуляцию, по которой сдано было русскимъ войскамъ все то, что принадлежало турецкой казнѣ. Турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 700 человекъ, выпущенъ со всѣмъ оружіемъ, но съ обѣщаніемъ не служить ни противъ русскихъ, ни противъ сербскихъ войскъ. Въ добычу намъ достались одна знамя, три пушки, нѣсколько артиллерійскихъ снарядовъ и небольшое количество провiantа. Такъ какъ всѣ эти дѣйствія, праваго нашего фланга были исполнены по прежнему операціонному плану, представленному императору Александръ еще княземъ Барятинскимъ, и какъ не было вѣдѣно о новомъ замыслѣ, принятому графомъ Каменскимъ, то планъ продолжался. Графъ Каменскій вѣдовавъ, что, растягивая свою операціонную линію, онъ ослабляетъ себя, и не можетъ сдѣлать сдѣлать рѣшительно. При личномъ свиданіи сего имъ съ императоромъ Александромъ, какъ мы выше видѣли, главнѣйшій думскій, высказавъ свое мнѣніе о будущихъ дѣйствіяхъ, и получивъ одобреніе, тотчасъ по прибытіи къ арміи, приказалъ Исаву, бывшему близъ Негодина, отступить въ Малую Валахию, оставивъ только за собою островъ Юломаре, и т. д.

Для предупрежденія же худого вліянія, доносили графъ Каменскій государю (104) о томъ, что можетъ произойти отъ того движенія въ сербахъ, пошлю я къ нимъ генералъ-маіора графа Дудача, съ нѣсколькими офицерами, съ подарками и съ увѣреніями, что операціями главной арміи всякое поущеніе противъ нихъ отъ турокъ содѣлается невозможнымъ.

Новый главнокомандующій получилъ относительно Сербіи тѣ же самыя инструкціи; новыя даны были и прежнимъ Императоръ Александръ (выразилъ графу Каменскому свое желаніе устроить положеніе сербскаго народа сколь возмозжно лучшимъ образомъ. Изъ приведенныхъ нами выше инструкціи и проекта мирнаго трактата можно ссудить о томъ съчувствіи русскаго правительства къ Сербіи и ко всему ея народу, котораго оно неоднократно и такъ постоянно высказывало, а равно и дѣйствіямъ императора Александра, неоднократно выраженнымъ, которыя онъ хотѣлъ привести въ исполненіе.

Требуя непремѣннымъ условіемъ мира расширеніе границъ своей имперіи, русскій императоръ ставилъ такимъ же непре-

(104) Отъ 18-го марта 1810 года. Арх. Военно-топографическаго депо, № 15,695.

мѣннымъ условіемъ и устройство дѣлъ сербскаго народа. Сербамъ, конечно, не были извѣстны въ подробности заботы о нихъ Россіи, а потому они и не могли оцѣнить вѣрно всѣхъ тогдашнихъ событій на театрѣ войны. Они судили о нихъ по своему....

Усѣихи генераль-маіора Исаева, который уже съ частію войскъ находился близъ Неготина и къ которому уже прикинулъ одинъ изъ сербскихъ начальниковъ — Миленко Стойковичъ — подали надежду сербамъ, что мы будемъ ихъ дѣятельно поддерживать, не только деньгами и порохомъ, но и самыми войсками. Надежда ихъ не сбылась. Графъ Каменскій не находилъ возможнымъ поддерживать ихъ войскомъ, потому что такая поддержка влекла за собою значительное отдѣленіе нашихъ силъ, сосредоточеніе ихъ на правомъ флангѣ нашего расположенія, что ослабило бы лѣвый флангъ, который главнѣйшимъ образомъ и долженъ былъ произвести рѣшительныя дѣйствія противъ непріятеля. Главнокомандующій приказалъ Исаеву возвратиться въ Малую Валахію, но оставить за собою островъ Оломаре, какъ пунктъ для связи и сообщенія съ сербами и для поддержанія ихъ, если бы имъ угрожала какая-нибудь опасность. Большую часть пушекъ и снарядовъ, ввѣтыхъ нашими войсками, графъ Каменскій приказалъ Исаеву отдать сербамъ, а Родофиникину извѣстить ихъ обо всемъ и пригласить депутатовъ въ главную квартиру. Миленко же получилъ за свои дѣйствія золотую медаль для ношенія на анненской лентѣ.

„Не менѣе того, я полагаю—писалъ графъ Каменскій графу Руманцеву (105) — что сіе произведетъ не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе и для насъ вліяніе въ сербахъ; но пособить сему трудно, да и невозможно, если не разстроить всего плана операцій.“

Въ мартѣ мѣсяцѣ Миленко доставилъ Родофиникину два письма Чернаго Георгія, имъ перехваченныя. Одно изъ нихъ было адресовано на имя купца Деича (106), а другое на имя французскаго консула въ Букарестѣ (107). Вотъ эти письма:

„Благородный и почтенно-избранный братъ Христофоръ Деичъ, здравствуйте! Вмѣняю себѣ въ великую честь вамъ лю-

(105) Отъ 21-го марта 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Sacrages en Turquie“, картонъ № 74.

(106) Отъ 13-го декабря 1809 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(107) Отъ 12-го декабря 1809 г Ibid.

безно кланяться, какъ родному брату и вѣрному сыну отечества своего. Я никогда не забуду трудовъ вашихъ, которые вы многократно оказали, и не сомнѣваюсь, что и впредь о счастьи народа сербскаго стараетесь. Простите только намъ, что не имѣли времени давно вамъ писать и обо всемъ увѣдомить, потому что до сей поры мы многими народными дѣлами занимались; а теперь не упускаемъ случая васъ увѣдомить, въ какомъ великомъ мы безпокойствѣ, что отъ васъ давно ни одного письма не получалъ съ извѣстіемъ обо всемъ. Мы теперь можемъ только сообщить вамъ, что еще въ добромъ здравіи находимся, но въ тяжелой опасности и въ великомъ смущеніи, ибо не знаемъ, идъ мы и какъ мы.

„По употребляемымъ до сего дня средствамъ и измышлениямъ, ни откуда никакой помощи не могли получить, но все во мракѣ лежало до сего дня, да и теперь ни откуда никакой помощи не ожидается. Искали—и непрерывно ищемъ—и посылали людей, но никакъ не даютъ намъ пройти, и послѣ толковой дѣломъ силы (турецкой) остались живы и границу вездѣ держимъ безопасно, какъ и прежде держали, съ тѣмъ же войскомъ и пушками, но уже не такъ крѣпко, какъ прежде были. Денегъ не имѣемъ и ни откуда получить не можемъ; ниже не имѣемъ никакого помощника, кромѣ Бога.

„Теперь опять послали мы нашихъ депутатовъ къ фельд-маршалу (князю Батрагіону): они объяснятъ наши прошенія; но *слабая* оттого выгода намъ будетъ, такъ какъ и дониндѣ была, и для того просимъ васъ сдѣлать намъ одно одолженіе: обо всемъ насъ увѣдомить—каковы теперь тамъ обстоятельства и находимся ли ты возможнымъ, чтобы російскія войска могли удержаться въ Валахіи и Молдавіи, и гдѣ теперь кто изъ генераловъ съ командами находится? Гдѣ теперь фельдмаршалъ? за Дунаемъ ли? и взялъ ли онъ какую-нибудь крѣпость по Дунаю: Иаманль, Браиловъ или Журжу? Не было ли на дняхъ какой-нибудь великой баталіи съ турками? Сообщите намъ также о французахъ и о кѣмцахъ какія-либо новости, ибо мы ничего здѣсь не можемъ узнать, и увѣрены, что вы про то все знаете.

„Съ другой стороны, опять мы слышали, что тотъ генералъ Родофининъ, который у насъ былъ *гладыка*, набираетъ волицу изъ волонтеровъ на жалованьи, чтобы ихъ привести въ Сербію, подъ названіемъ русскаго войска, и гнать народу и дѣлать что хотять, чтобы народъ погубить и искоренить. Ты

увиждешь гнасъ, чтобы мы знали, что они дѣлають, а особливо ты, вацхъ и бранный братъ и любитель своего рода: знаемъ, что ты въ всѣ руки и другія дѣла разумѣешь. Можешь ли ты намъ сказать: откуда бы мы могли помощь получить и тѣмъ счастливыми бышь и *можемъ ли что-нибудь изъ насъ быть?* (Ты видишь весь богатство, каковы они; только ты наставь насъ: какими средствами мы счастливы быть можемъ? Мы вѣдь видѣли, каково намъ покровительство Россіи. Про все намъ отпиши черезъ сего курьера или черезъ кого прежде можешь послать. Пошли намъ Петру Чурковичу и скажи ему, что его братъ здоровъ, а такъ же поклонись всѣмъ нашимъ приятелямъ, которые намъ добро дѣлають.

«Другое письмо, отъ французскому консулу въ Букарестъ, было немного помянуто и наполнено намеками. «Честь имѣемъ намъ извѣстить и писали Черный Георгій и правительствующій совѣтъ народа сербскаго, что изъ Вѣны отъ посланнаго нашего, неого вы благоволиши туда отправить, получили мы повѣстие, что онъ благополучно туда прибылъ. Что съ нимъ далѣе случилось, давно ничего не знаемъ. Хорватская граница отъ насъ далеко не отстоитъ, потому благоволите настоять: дѣло требуетъ скорого дѣйствія. Мы далѣе ничего не можемъ, но только вамъ любезнѣйше препоручаемъ.»

«Изъ этихъ писемъ можно было предполагать, во-первыхъ, что сербское правительство давно уже послало депутацію во Францію, но какой исходъ она имѣла — опредѣлить было трудно; во-вторыхъ, письма указывали на паткость убѣждений и величественнаго поведенія сербскаго правительства, шедшаго въ этомъ случаѣ въ разладъ съ народомъ. Последній, во всемъ извѣстнѣй, доходяшій до насъ, въ различнаго рода случаяхъ, не измѣнялъ своей приверженности къ Россіи и, не смотря на возвращеніе генералъ-маіора Исаева, не переставалъ защищаться противъ турокъ въ своихъ укрѣпленіяхъ. Сербы, во давнишесъ еще приглашенія графа Каменскаго, воздамылись оправдать къ нему депутацію изъ двухъ лицъ: митрополита Леонтія и коменданта Милана Обреновича.

«Возвратившись изъ Гироова въ Букарестъ, главнокомандующій нашъ уже тамъ сербскихъ депутатовъ. Объясненія съ ними графа Каменскаго были таковы, какъ можно было заранѣе предполагать. Со стороны сербовъ была просьба о покровительствѣ Россіи и жалоба на положеніе, въ которомъ они

находясь. Главнокомандующій отвѣчалъ имъ увѣреніемъ въ расположеніи къ сербскому народу императора Александра и общаніями пособій всякаго рода. Онъ не только пересчитывалъ все пособія, какія были намѣрены дать сербамъ, но даже назначалъ время, когда и какою они получать вспоможеніе вѣдетъ. Подаривъ при отъѣздѣ митрополиту Леонтію сто червонныхъ, а Милану Обреновичу серебряную медаль и пятьдесятъ червонныхъ, графъ Каменскій сверхъ того приказалъ отпустить имъ обоимъ на содержаніе ихъ войскъ пять тысячъ левовъ ⁽¹⁰⁸⁾. Онъ отправилъ съ депутатами прокламацію къ сѣвѣту и народу сербскому.

„Преосвященный митрополитъ Леонтій писалъ главнокомандующій ⁽¹⁰⁹⁾ и комендантъ Миланъ Обреновичъ, прѣзжавшіе ко мнѣ депутатами, извѣстили меня о неосновательныхъ сомнѣніяхъ, рожденныхъ въ часъ возвращеніемъ русскаго отряда, назначеннаго въ помощь войскамъ сербскимъ. Почитаю нужнымъ разсказать оныя и сверхъ изустныхъ объясненій, даннымъ мною депутатамъ, еще сімъ торжественно, отъ имени императора, вѣрившаго мнѣ начальство арміи, общаю всякую помощь сербской націи, любовной Россіи по роду, вѣрѣ и приверженности въ нашему монарху. Священная воля Его Величества налагаетъ на насъ обязанность дѣлать всегда и во всемъ пособія Сербіи, какъ въ продолженіе войны, такъ и при заключеніи мира. Сообщаю вамъ объ оной и еще разъ увѣряю въ непремѣнномъ исполненіи надеждъ, вами на россіянъ возложенныхъ. Въ доказательство сего уже предікалъ я, кому надлежало, отправить къ различнымъ вашимъ военнымъ комендантамъ довольное число амуниціи, военныхъ снарядовъ и денегъ. вспомогательныя войска вскорѣ засимъ послѣдуютъ и часъ отрядъ генералъ-маіора графа Цунато съ частию артиллеріи двинется и соединится съ вашими войсками въ наступающемъ мѣсяцѣ. Въ то же время я буду на правомъ берегу Дуная дѣйствовать сильно и рѣшительно противъ общаго непріятеля. Между тѣмъ, вы, какъ вѣрные сыны своего отечества, какъ вѣрные союзники Россіи, сражайтесь смѣло и непоколебимо съ врагами закона Божія и вашей свободы. По-

⁽¹⁰⁸⁾ Графъ Каменскій къ графу Румянцеву, отъ 8-го апрѣля 1810 г. № 37.

⁽¹⁰⁹⁾ Графъ Каменскій правительствующему сѣвѣту, верховному вождю и всему народу сербскому, отъ 5-го апрѣля 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Самрагна ед. Turquie. B. Варшавы № 74.“

ражайте ихъ смѣло, съ увѣренностію въ покровительство нашею государя и съ твердымъ упованіемъ на Господа силъ, во-вѣки поборающаго вѣрѣ православной и благочестивымъ славянскимъ племенамъ. Я съ моей стороны не уступлю сдѣлать все возможное для благоденствія вашего, какъ ревностный исполнитель повелѣній императора и какъ искренній другъ храбраго народа сербскаго.“ (110)

Содержаніе этого воззванія указывало сербамъ на тѣ виды, которые имѣлъ главнокомандующій относительно Сербіи, согласно съ желаніемъ императора Александра I. „Въ самомъ дѣлѣ — писалъ графъ Каменскій государственному канцлеру — я имѣю рѣшительное намѣреніе дѣлать сей землѣ всё возможное вспоможеніе, но тогда только, когда армія переправится за Дунай.“

До переправы черезъ Дунай, наши вспомогательныя войска могли бы послужить только ко вреду сербовъ. Временныя успѣхи генералъ-маіора Исаева принудили бы наконецъ турокъ, свободныхъ со стороны Большой Валахія, устремить всё свои силы на западъ, и сербы не могли бы ни выдержать этого нападѣнія, ни быть спасены малочисленнымъ отрядомъ Исаева. Соединеніе русскихъ войскъ съ сербскими могло быть для нихъ выгодно только тогда, когда непріятель, атакованный главными нашими силами, принужденъ будетъ оставить небольшія силы и незначительные отряды около Виддина и на всѣхъ границахъ Сербіи.

Эту же самую мысль графъ Каменскій положилъ въ основаніе своего поведенія относительно Сербіи. Онъ старался разъяснить эти предположенія и сербскимъ депутатамъ.

При одномъ изъ послѣднихъ свиданій, депутатъ Миланъ Обреновичъ изъявилъ желаніе переговорить съ графомъ Каменскимъ наединѣ, тайно отъ своего товарища, митрополита Леонтія. Главнокомандующій согласился на его просьбу. На новой аудіенціи Миланъ Обреновичъ просилъ графа Каменскаго, объ имени всего совѣта сербскаго, объ удаленіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина отъ всякихъ дипломатическихъ сношеній съ сербами, обвиняя его во всѣхъ несогласіяхъ, возникшихъ между правителями сербскаго народа. Не давъ рѣшительнаго отвѣта, графъ Каменскій счелъ однакожъ

(110) Воззваніе это написано рукою покойнаго Д. Н. Блудова.

нужнымъ, подъ предлогомъ болѣзни; на которую Родофиникинъ жаловался, отозвать нашего агента изъ Сербіи и поручить исправленіе его дѣлъ графу Цукато, назначенному командовать отрядомъ войскъ въ Малой Валахія и долженствовавшему впоследствии соединиться съ сербскими войсками ⁽¹¹¹⁾. Такимъ образомъ послѣдовало удаленіе Родофиникина изъ Сербіи. Главнокомандующій, удовлетворивъ одной просьбѣ сербскаго депутата, думалъ объ удовлетвореніи и другой: объ удаленіи сербскаго митрополита Леонтія. Совѣтъ и народъ сербскій давно питали неудовольствіе на своего митрополита и желали его удаленія. Графъ Каменскій полагалъ перемѣнить его въ Яссы, а тамошняго преосвященнаго Игнатія назначить владыкою сербскаго духовенства. Это перемѣненіе имѣло и ту политическую выгоду, что доставляло возможность и удобство Игнатію чаще переписываться съ Мухтаръ-пашею, его пріятелемъ; но оно не было одобрено петербургскимъ кабинетомъ и потому не состоялось. Наме правительство полагало, что переводъ духовнаго лица, занимавшаго столь высокую степень въ Сербіи, могъ бы возродить политическіе толки и заключенія, „которые теперь—сказано въ депешѣ графа Румянцева ⁽¹¹²⁾—прилично уклонить“. Первый, кто обратилъ бы вниманіе на это, былъ бы, конечно, вѣнскій дворъ, опасавшійся усиленія вліянія Россіи на Сербію. Тогдашнія же сношенія наши съ вѣнскимъ кабинетомъ, послѣ всѣхъ увѣреній, какія насчетъ Сербіи были сдѣланы нами, заставляли насъ удалять всякій поводъ къ подозрѣніямъ подобнаго рода. Сверхъ того, преосвященный Игнатій, будучи родомъ грекъ, не могъ быть пріятель сербамъ, не терпѣвшимъ ни одного грека, а тѣмъ болѣе не знающаго ни слова по-славянски, какимъ былъ Игнатій. Изъ этого видно, что подобное перемѣненіе не могло возстановить порядка въ Сербіи, гдѣ, по прежнему, происходили несогласія и вражда между поглаварями. Черногорскій архимандритъ Филиповичъ, пользовавшійся расположеніемъ сербскаго народа, былъ отправленъ графомъ Каменскимъ въ Бѣлградъ для прекращенія раздоровъ. Ему поручено доставить въ Сербію новую

(111) Графъ Каменскій къ графу Румянцеву, отъ 10-го апрѣля 1810 г., № 8.

(112) Отъ 25-го апрѣля 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Самраignes en Turquie.“ Картонъ № 73.

прекламацію главнокомандующаго, которую объявить совѣту и обнародовать по всей Сербіи (113).

„Храбрые сербы — писалъ главнокомандующій — вамъ извѣстны пощеченія нашего монарха о вашемъ благѣ и свободѣ. Въ началѣ сего мѣсяца, когда, встревоженные внезапною, но для васъ же полезнымъ отступленіемъ російскаго отряда, вы приходили въ умыніе, я успѣхидь успокоить васъ искреннимъ выраженіемъ желаній и видовъ Россіи. Нынѣ поставлю себя приятнымъ долгомъ повторить всѣ увѣренія, всѣ обѣщанія, отданныя мною въ прокламаціи 5-го апрѣля (114). Приближается время исполненія: скоро воинство російское соединится вашимъ, и уже принимаются всѣ нужныя для того мѣры. Черногорскій архимандритъ Филиповичъ, который вручитъ сію бумагу вашему начальству, бывъ очевидцемъ сикъ притѣвленій, объяснитъ изустно, сколь драгоцѣнно для меня благоденствіе Сербіи. Посреди трудовъ и заботъ моего служенія, я не перестаю мыслить о васъ, любезныхъ намъ союзникахъ, и сколь же горестно для меня узнавать, въ то время, когда я готовлюсь подать вамъ дѣятельную помощь, что вы сами нарушаете внутреннее спокойствіе страны вашей. Вы сами, въ возникшихъ между вами распряхъ, истощаете силы отъ Бога данныя для обороны отечества. Личныя выгоды ужели могутъ обольщать достойныхъ чиновниковъ почтенной націи? Конечно, нѣтъ. Одна любовь къ вѣрѣ и согражданамъ одушевляетъ ихъ всѣхъ; они различны только въ мѣнѣи и средствахъ въ достиженію важной вашей дѣли. Но можно ли колебаться въ выборѣ, и есть ли для васъ другое средство къ спасенію, кромѣ съ Россіею? Отъ кого ожидать вамъ помощи, кромѣ единовернаго; единокровнаго вамъ народа? И въ сей истинѣ дерзають сомнѣваться! Добрые граждане, въ слѣпотѣ своей, влекутъ въ погибели обожаемое отечество. Таковы послѣдствія раздоровъ, и сербская нація, сильная не числомъ, а доблестями, съ утрадою ихъ должна бы погибнуть непременно; но Богъ и Александръ о васъ пекутся. Забудьте о прежнихъ распряхъ, собравшись при алтаряхъ Сердцевѣдца, кланитесь: погасите огонь вражды

(113) Покуда черезъ австрійскія владѣнія, Филиповичъ былъ задержанъ на границѣ, и только возвращенъ австрійцами обратно въ Валахію, такъ, что возвращеніе достигло до сербовъ гораздо позже.

(114) См. выше.

въ думѣхъ вѣнели и только мыслите объ избавленіи страны отъ ига варваровъ....

„Храбрые сербы! Я увѣренъ, что вы примете съ чисто-сердечностію совѣтъ друга, который не хочетъ срывать своихъ мыслей, и смѣю надѣяться, что вы уважите мнѣше вожди русскіихъ воиновъ, вашихъ братьевъ и защитниковъ.“ (115)

Между тѣмъ, турки приотвѣлялись къ военнымъ дѣйствіямъ противъ сербовъ. Они рѣшились напасть на Сербію съ двухъ сторонъ и дѣйствовать наступательно; несмотря на то, что дожны были отдѣлать значительныя силы для сопротивленія наступательнымъ движеніямъ графа Кьменскаго 2-го.

Новый паша присній, Хуршидъ, двинулся къ Моравѣ съ нѣсколькими тысячами войска (до 30,000) и, не сдѣлавъ примѣру своихъ предшественниковъ, не сталъ заниматься осадой Делиграда. Отрядивъ къ Делиграду только часть своего войска, Хуршидъ съ остальными войсками завладѣлъ Крушевцомъ и укрѣпленіями близъ Яскики. Это вторженіе было особенно опасно для сербовъ, потому что подвергало ихъ страну опустошенію. И дѣйствительно: турки опустошали все, что встрѣчали на пути; они жгли и грабили селенія, убивали женъ и дѣтей. Сербы, видя, что укрѣпленія не могутъ защитить отъ турецкаго нашествія, не думали о ихъ защитѣ; они оставили ряды войска и разбѣгались по домамъ спасать своихъ женъ и дѣтей. Въ округахъ Крагуевацкомъ и Левацкомъ скоро совсѣмъ обезнзилось сербскаго войска. Крагуевацъ былъ въ опасности; гарнизонъ въ Делиградѣ также началъ оставлять крѣпость и расходиться по домамъ.

Черный Георгій не зналъ что дѣлать. Онъ писалъ къ Петру Добрыницѣ и настоятельно требовалъ, чтобы онъ или самъ шелъ къ нему на помощь со всѣмъ своимъ войскомъ, или же просилъ бы о помощи русскихъ войскъ. „Либо то, либо другое—писалъ онъ Петру Добрыницѣ—но непременно что-нибудь одно. Велимы здѣсь не устоимъ; тогда на что намъ Кладово и Крайна? Нечего дожидаться другаго письма: надо идти сейчасъ же и не мѣшкать ни днемъ, ни ночью. Теперь все отъ этого зависитъ.“

Въ такомъ положеніи была Сербія, когда отрядъ генераль-

(115) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ № 74.

майора графа Цукато, вмѣстѣ съ отрядомъ Исаева, переправился въ Сербію.

Іюня 5-го русскій отрядъ переправился черезъ Дунай, съ острова Оломаре, гдѣ и соединился съ сербскими войсками, ожидавшими его на правомъ берегу Дуная (116).

Іюня 9-го графъ Цукато, узнавъ отъ нашего поста на островѣ и отъ бѣжавшаго изъ Праова булгара, что въ селеніе это ярибыло до 2,000 турецкихъ войскъ съ двумя орудіями и что командующій ими Ибрагимъ-паша рѣшился освободить Бирзо-Паланку, блокированную русскими и сербскими войсками, приказалъ генералъ-майору Исаеву послать летучій отрядъ, по дорогѣ къ Неготину и Праово, отыскать непріятеля, атаковать его и, въ случаѣ успѣха, преслѣдовать.

Полковникъ Глѣбовъ, назначенный въ эту экспедицію, выступилъ 11-го числа съ отрядомъ изъ 280 егерей, двумя донскими конными орудіями и 500 казаковъ, сербовъ и хорватовъ. Отрядъ этотъ встрѣтилъ у селенія Выдровецъ турецкія войска, до 500 человекъ пѣхоты и около 1,500 кавалеріи. Сознывая свое численное превосходство, турки три риза бросались въ атаку, но картечнымъ огнемъ были всякій разъ отбиваемы. Стычка происходила въ теченіе трехъ часовъ и кончилась отступленіемъ турецкаго отряда въ правоскія укрѣпленія. Самъ графъ Цукато, прибывшій на мѣсто сраженія, говоритъ, что мѣстоположеніе „не позволяло ни кавалеріи нашей, ни пѣхотѣ далеко преслѣдовать“ непріятеля, такъ какъ все поле, на которомъ происходило дѣйствіе, было покрыто густымъ кустарникомъ, а высоты заняты турецкою пѣхотою (117).

Ночью 14-го іюня турки сдѣлали новую высадку изъ правоскихъ укрѣпленій и, имѣя цѣлю прорваться, двинулись въ три разныя стороны, но, встрѣченные по всей линіи огнемъ, принуждены были возвратиться въ свои окопы. На разсвѣтѣ всѣ силы, собранныя въ правоскихъ укрѣпленіяхъ, атаковали графа Цукато со всѣхъ сторонъ. Сраженіе продолжалось до четырехъ часовъ пополудни и кончилось пораженіемъ турокъ и отступленіемъ ихъ въ укрѣпленія. Два зна-

(116) Донесеніе графа Каменскаго отъ 9-го іюня, за № 68. Арх. военно-топографическаго депо.

(117) Графъ Цукато къ главнокомандующему отъ 12-го іюня, за № 799. Арх. военно-топографическаго депо.

мени и 159 человекъ сданныхъ турокъ были нашими трофеями.

„Уронъ нашъ—доносилъ графъ Цукато⁽¹¹⁸⁾—въ сихъ упорныхъ сраженіяхъ маловаженъ. Потери съ непріятельской стороны желая назначить, по той причинѣ, что правый флангъ отъ лѣваго сражался въ разстояніи болѣе четырехъ верстъ, между горами и оврагами, покрытыми лѣсами, гдѣ одинъ баталіонъ другаго почти никогда видѣть не могъ.“

Юня 24-го Бирзо-Паланка сдалась сербскимъ войскамъ⁽¹¹⁹⁾. Гарнизонъ отпущенъ на честное слово, съ условіемъ до заключенія мира не поднимать оружія противъ насъ, въ залогъ чего и оставлены въ нашихъ рукахъ два турецкихъ чиновника. Три знамени, четыре пушки, значительное число военныхъ снарядовъ и състныхъ припасовъ достались намъ въ добычу. „Пушки, снаряды и състные припасы отданы сербамъ, кои во всемъ томъ весьма нуждаются“, доносилъ графъ Каменскій.

Всѣ эти дѣйствія весьма ободрили сербовъ. Въ концѣ юня самъ Черный Георгій, безъ помощи русскихъ войскъ, отбилъ турокъ, атаковавшихъ его въ мѣстечкѣ Баяъ, и сбросилъ ихъ на значительное разстояніе. Графъ Цукато, занимаясь между тѣмъ формированіемъ регулярной кавалеріи изъ сербовъ, подъ именемъ *сербскихъ казаковъ*, узналъ, что толпы турокъ двигаются берегомъ Дуная и вершинами горъ, и, желая „пріучить къ огню“ вновь сформированныхъ сербскихъ казаковъ, въ ночь съ 15-го на 16-е юля послалъ отрядъ изъ 180 донскихъ казаковъ и 120 сербскихъ казаковъ, для отысканія непріятеля. Штабсъ-ротмистръ Никичъ, которому дано было это порученіе, подошелъ скрытно почти до самыхъ правыхъ окоповъ; но турки, замѣтившіе его только на разсвѣтѣ, выступили съ значительными силами и принудили отступить. То же самое было вначалѣ и съ партіею есаула Самсонова, посланнаго 20-го числа, для той же цѣли—отысканія непріятеля между Неготиномъ, Право и Бреговомъ. Какъ только получено было извѣстіе объ атакѣ Самсонова значительными турецкими силами и объ отступленіи его, графъ Цукато тотчасъ же послалъ ему на помощь уральскій казачій полкъ, а вслѣдъ за нимъ и Старооскольскій мушкетерскій. Командиръ уральскаго полка Аку-

⁽¹¹⁸⁾ Отъ 15-го юня, за № 805. Арх. военно-топографическаго депо, дѣло № 15,695.

⁽¹¹⁹⁾ Донесеніе главнокомандующаго государю, отъ 5-го юля за № 92.

тиць, прискакавъ съ 80 казаками и кавалеріями сербами на мѣсто сраженія, нашель отрядъ Самсонова отгѣсненнымъ турками къ болоту. Слѣдующій валшъ изъ ружей, Аврелинъ бросилъ въ атаку и стада тѣснить непріятели. Правоме турки, видя поражение своей толпы, выдвинули все свои силы и заставили казаковъ отойти къ Старооскольскому полку, подоспѣвшему къ казакамъ. Весьма удачныя и мѣткія выстрѣлы нашихъ орудій заставили турокъ отступить къ лѣсу, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, вышедшей изъ укрѣпленій и забѣвшей въ кѣмъ. Самъ графъ Цукаго повелъ Новоингерманландскій полкъ противъ турокъ, занявшихъ гору и сибѣившихся. Повсемѣстное поражение турокъ было результатомъ этого боя, въ которомъ, по словамъ графа Цукаго, всей непріятельской пѣхоты и кавалеріи было до трехъ тысячъ человекъ ⁽¹²⁰⁾.

Юля 31-го графъ Цукаго предписалъ Исаеву приблизиться лѣвымъ флангомъ, не позже 2-го августа, къ правскимъ укрѣпленіямъ и, занявъ позицію на дощинѣ неподалеку отъ Праова, заложить батареи сколько возможно ближе къ первому непріятельному редуту. Въ то же время, для подрѣзанія этого движенія и для прикрытія работъ въ случаѣ вылазки, назначены были полки Новоингерманландскій и Старооскольскій, съ небольшимъ числомъ кавалеріи, которые должны были занять позицію правѣ. Ладожскій мушкетерскій полкъ, съ большою частію казаковъ, сербовъ и арнаутовъ, получилъ приказаніе занять неготинскую дорогу, для наблюденія за движеніемъ непріятели со стороны Неготина и Брегона. Отрядъ этотъ имѣлъ также мѣткую подрѣплять, въ случаѣ надобности, лѣвымъ нащѣмъ флангомъ. Графъ Цукаго, будучи болѣею поручилъ исполненіе этой диспозиціи двумъ лицамъ: Исаеву, лѣвѣмъ, и Подовитку, Цвилеву, на правомъ флангѣ.

Исаевъ, раздѣливъ свой отрядъ на три колонны, двинулся въ два часа ночи на 2-е августа, тремя дорогами: первая колонна шла вершинною горю, вторая среднею дорогою, неподалеку отъ береговой дороги, и наконецъ, третья вдоль берега Дуная.

За часъ до разсвѣта войска прибыли на назначенныя имъ мѣста безъ всякаго препятствія со стороны непріятели. Для занятія высонъ, приделаршико къ дощинѣ, необходимо было очистить лѣсъ, которымъ онѣ были покрыты. Стукъ топоровъ раз-

⁽²⁰⁾ Донесеніе главнокомандующему отъ 25-го юля, за № 1,017. Арх. военно-топографическаго деп.

були турокъ, вышедшихъ, около шести часовъ утра, изъ своихъ укрѣпленій, въ числѣ 5,000 человекъ пѣхоты и кавалеріи, съ однимъ орудіемъ, подъ командою трехъ пашей: Ибрагима, Шама и Мехмета. Множество турецкихъ знаменъ и званковъ, развѣвавшихся въ разныхъ мѣстахъ, указывали, что большая часть турецкихъ силъ направляла свое движеніе къ правому нашему флангу. Въ то же самое время Исаевъ получилъ извѣстіе, что неприятельская кавалерія обходитъ первую колонну Турчанинова и что колонна Шкапскаго, посланная графомъ Цукато подкрѣплять движеніе войска Исаева, появилась на высотѣ нашего лагеря. Имѣя всѣ эти свѣдѣнія, Исаевъ приказалъ Шкапскому придвинуться къ его линіи; но Шкапскій еще до привазанія Исаева присоединился къ лѣвому флангу отряда.

Едва только началось перестрѣлка на правомъ флангѣ, какъ неприятель, вышедшій изъ-за кустовъ, атаковалъ Исаева на всемъ протяженіи его линіи. Турецкая пѣхота была въ центрѣ, кавалерія по флангамъ. Батареи наши хотя и не были еще окончены, однакожь дѣйствовали съ успѣхомъ и своимъ огнемъ удерживали стремленіе неприятеля въ продолженіе двухъ часовъ. Разсыпанные застрѣльщики вытѣснили изъ кустовъ турокъ, которые бросились въ лощину, съ намѣреніемъ отрѣзать сербовъ, занявшихъ крутые ея берега. Сербы открыли съ обѣихъ сторонъ сильный ружейный огонь, и турки, атакованные нашими стрѣлками, несмотря на отчаянную свою храбрость, должны были отступить.

Неприятель потерялъ болѣе 500 человекъ убитыми и до 600 человекъ ранеными, которые въ тотъ же день были оправданы Исаевымъ въ Видинь, на двухъ судахъ. Съ нашей стороны убитыхъ было 47 и раненыхъ 72; зарядовъ выпущено орудійныхъ 207 и ружейныхъ 14,208 ⁽¹²¹⁾.

До 10-го августа неприятель нигдѣ не показывался, несмотря на то, что на другой день послѣ этого боя къ туркамъ пришло въ подкрѣпленіе около 1,500 человекъ. Въ такомъ положеніи дѣла, графъ Цукато приказалъ графу Орурку выступить для обзоренія мѣстности между Правомъ и Тимокомъ. Отрядъ его, составленный изъ улановъ, Далежскаго пѣхотнаго полка, 500 казаковъ и 300 сербовъ и арнаутовъ, долженъ былъ двинуться ночью противъ лѣваго берега турецкихъ укрѣп-

⁽¹²¹⁾ Донесеніе графа Цукато отъ 9-го августа. Арх. военно-топографическаго депо. № 15,695.

лений къ берегу Дуная и, приблизившись съ зарею къ нимъ, стараться выманить турокъ къ сторонѣ Брегова, между тѣмъ какъ другія войска готовы были ихъ отрѣзать, если бы они отдалились отъ своихъ окоповъ.

Въ три часа пополудни, 11-го августа, полковникъ графъ Оруркъ, оставя Ладожскій полкъ въ скрытомъ мѣстѣ, улановъ около Дуная, вмѣстѣ съ двумя орудіями, а противъ правовскихъ укрѣпленій казаковъ, хорватовъ и сербовъ, самъ, съ небольшимъ казачьимъ отрядомъ, двинулся вдоль берега Дуная.

Турки вышли къ нему на встрѣчу и атаковали казаковъ. Оруркъ отступилъ сначала къ сербамъ, а потомъ къ уланамъ, которые, принявъ отступающихъ, открыли картечный огонь по неприятелю. Турки остановились и ожидали подкрѣпленія. Полковникъ графъ Оруркъ манилъ ихъ на стрѣлковъ и устроенную позади ихъ маскированную батарею. Турки дались въ обманъ и наткнулись на Ладожскій полкъ, лежавшій въ кустарникахъ около батареи. Картечный огонь и одновременная атака нашихъ войскъ съ фронта и фланговъ смѣшала неприятеля, бросившагося въ разсыпную къ своимъ укрѣпленіямъ и потерявшаго до 500 человекъ убитыми и ранеными.

„Болѣе 50 человекъ взято въ плѣнъ; но сербы, огорченные потерей храбраго начальника своего, воеводы Чарапича, всѣмъ имъ отрѣзали головы, несмотря на просьбы и даже угрозы нашихъ казаковъ и самого Орурка. Двухъ только турокъ успѣли казаки спасти отъ сербовъ; но и при семъ случаѣ одинъ изъ нихъ раненъ отъ сербовъ пистолетнымъ выстрѣломъ уже въ рукахъ казаковъ.“ (122)

Между тѣмъ, графъ Оруркъ, по приказанію генерала Цукато, вскорѣ скончавшагося, продолжалъ двигаться впередъ. Выступивъ 16-го числа, онъ пошелъ вдоль по рѣкѣ Тимоку и, преодолевая всѣ препятствія, заключавшіяся въ почти непроеходимыхъ дорогахъ и гористой мѣстности, достигъ, 21-го августа, до укрѣпленнаго мѣстечка Бани, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, было до 1,000 человекъ турецкаго гарнизона.

„Зная—сказано въ донесеніи полковника Цвиленева 1-го (123)—сколько укрѣпленія сіи по своему положенію нужны сербамъ, и что они прежде сего, собравъ семь тысячъ войска, хотѣли овладѣть ими, но съ великою потерей были отбиты, желая

(122) Арх. военно-топографическаго депо, дѣло № 15,695.

(123) Отъ 30-го августа, за № 13. Тамъ же.

доказать народу сербскому существенную помощь со стороны Россіи и оправдать ту надежду, которую имели сербы на русскія войска, рѣшился взять сіи укрѣпленія штурмомъ.“

Въ семь часовъ утра, 22-го августа, графъ Оруркъ двинулся къ укрѣпленіямъ и, осмотрѣвъ мѣстоположеніе ихъ, выслалъ охотниковъ изъ улановъ и казаковъ, поддержанныхъ всѣми остальными уланами. Ладожскому мушкетерскому полку съ казаками и сербами онъ приказалъ обойти укрѣпленія съ тыла и овладѣть лежащими за ними возвышенностями.

Турецкая кавалерія, поддерживаемая своею пѣхотою, за сѣвшею въ шанцахъ передъ укрѣпленіями, бросилась отчаянно на нашия фланкеры. Графъ Оруркъ двинулъ противъ нея улановъ, а потомъ слѣдомъ за ними и пѣхоту. Два передовые шанца вскорѣ были заняты нашими войсками, и турки оттѣснены къ главнымъ ретраншаментамъ. Пользуясь смѣтливостію турокъ, подполковникъ Савоини, со своими баталіонами Ладожскаго полка, по приказанію графа Орурка, атаковалъ ближайшее укрѣпленіе, защищаемое однимъ орудіемъ и 400 турокъ.

„Полковникъ графъ Оруркъ съ восхищеніемъ видѣлъ, съ какою бодростію и духомъ подполковникъ Савоини съ штабъ и оберъ-офицерами Ладожскаго полка кинулись впередъ и съ какою храбростію, усердіемъ и довѣренностію къ своимъ начальникамъ слѣдовали за ними російскіе воины, пренебрегая сильными картечными и ружейными выстрѣлами непріятеля.“ (124)

Несмотря на значительную глубину рва и высоту вала, укрѣпленіе было взято менѣе чѣмъ въ полчаса. Графъ Оруркъ только своимъ присутствіемъ и съ большимъ затрудненіемъ могъ спасти 90 человекъ гарнизона, изъ числа которыхъ большая часть были тяжело ранены. „Ожесточенные войны, отчаяннымъ сопротивленіемъ непріятеля, не давали ему пощады.“ Самъ Таиръ, начальникъ турецкаго гарнизона, съ остатками турокъ заперся въ главномъ укрѣпленіи и выразилъ желаніе вступить въ переговоры. По заключенной капитуляціи, онъ сдалъ укрѣпленія со всѣмъ имуществомъ и военными потребностями. Турецкій гарнизонъ отпущенъ съ обязательствомъ не воевать противъ Россіи, въ залогъ чего и взяты были два ама-

(124) Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695.

ниста. По дорогѣ въ Видину, куда слѣдовалъ гарнизонъ, турки обязались не входить ни въ какое укрѣпленіе и не дѣлать жителямъ никакихъ обидъ. Графъ Оруркъ, оставивъ въ Банѣ сербскаго воеводу Велью съ 300 сербовъ, самъ отправился къ Дешиграду, на соединеніе съ Чернымъ Георгіемъ.

Почти одновременно съ движеніемъ графа Орурка, полковникъ Цвилленевъ получилъ, сентября 1-го, донесеніе, что начальникъ гарнизона крѣпости Кладова хочетъ вступить въ переговоры. Цвилленевъ самъ отправился къ Кладово. Тамъ встрѣтилъ его Ибраһимъ-ага, вышедшій изъ крѣпости съ нѣсколькими чиншювиками, и, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, сдалъ укрѣпленія, съ тѣмъ, что гарнизонъ будетъ выпущенъ съ оружіемъ и пройдетъ черезъ Малую Валахію до Флорентина, не причиняя никому изъ жителей обидъ или какихъ-либо насильствъ. Такимъ образомъ сдался гарнизонъ, состоявшій изъ 577 человекъ, изъ которыхъ 89 человекъ цандуровъ тутъ же поступили въ сербскую службу. Укрѣпленія сданы со всеми припасами и, по переправѣ гарнизона, переданы Цвилленевымъ въ распоряженіе сербовъ и ихъ начальника Петра Добрынца. Огромное число огнестрѣльныхъ припасовъ и болѣе чѣмъ на три мѣсяца заготовленнаго для гарнизона провіанта достались въ руки побѣдителей.

Сдача Кладова была важна въ томъ отношеніи, что угрожающая отводу опасность поселила въ войскѣ и въ начальникахъ такой страхъ, что Черный Георгій, видя появленіе турокъ со стороны Босніи и Албаніи, приказалъ, какъ мы уже сказали, Петру Федоровичу Добрынцу, блокировавшему Кладово съ 3,000 сербовъ, снять блокаду и идти внутрь Сербіи для защиты жителей. Успѣхи графа Орурка, ободрившіе сербовъ, и увѣщанія Цвилленева заставили Петра Добрынца не идти на соединеніе съ верховнымъ вождемъ.

Занятіе Кладова сербами упрочивало сообщеніе ихъ какъ съ нашими войсками, такъ и съ Малою Валахіею, изъ которой они получали почти всѣ потребности. Съ другой стороны, и самая Малая Валахія нѣсколько обезпечивалась отъ нечаянныхъ вторженій турокъ, въ особенности та часть ея, которая придегаетъ къ горамъ и куда турки прежде всего дѣлали частые набѣги.

Вскорѣ послѣ занятія Кладова, сербы узнали о новой помощи и поддержкѣ ихъ русскими войсками. Послѣ смерти графа

Цукато, главнокомандующій назначилъ на мѣсто его генералъ-лейтенанта Засса; но какъ, до его отправленія въ Сербію, стали доходить извѣстія, что Сербіи угрожаетъ нападентіе турокъ со стороны Босніи и Албаніи, то графъ Каменскій рѣшилъ усилить отрядъ Засса еще четырьмя баталіонами пѣхоты и однимъ казачьимъ полкомъ (125).

Первыя дѣйствія Засса были ознаменованы паденіемъ небольшой крѣпостцы Орявы и Праова.

Командовавшій отрядомъ войскъ, прикрывавшихъ Малую Валахію, полковникъ Желтухинъ, черезъ агентовъ, посылаемыхъ въ Никополь и Оряву, узналъ, что гарнизонъ послѣдней крѣпости въ большомъ смятеніи послѣ взятія нашими войсками Систова. Сентября 3-го онъ получилъ извѣстіе, что вся турецкая пѣхота, съ имуществомъ и знаменами, ушла вверхъ по Дунаю, на судахъ, оставивъ въ укрѣпленіи только небольшое число кавалеріи. Не теряя удобнаго случая и пользуясь страхомъ непріятеля, Желтухинъ собралъ на рѣкѣ Джио нѣсколько паромовъ и лодокъ, на которыхъ, ночью съ 4-го на 5-е число, послалъ охотниковъ, съ приказаніемъ завладѣть большимъ судномъ, стоявшимъ близъ батарей непріятельскихъ. На разсвѣтѣ, непріятель, увидѣвъ на самомъ берегу Дуная баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полка и нѣсколько сотъ пандуровъ, хотя и открылъ огонь, но, замѣтя переправу остальныхъ войскъ отряда Желтухина, пришелъ въ такое смятеніе, что прежде нежели лодки пристали къ берегу оставилъ береговыя батареи съ пятью орудіями и бѣжалъ въ главныя укрѣпленія. Къ вечеру на правую сторону Дуная были уже переправлены весь сибирскій баталіонъ и 400 человекъ пандуровъ, съ тою цѣлію, чтобы на разсвѣтѣ 6-го числа требовать сдачи укрѣпленій. Однако турки еще ночью оставили Оряву, которая была занята нашими войсками до разсвѣта. До 2,000 жителей, переправленныхъ со всемъ имуществомъ и скотомъ въ Малую Валахію, множество провіанта и 12 орудій достались въ добычу нашимъ войскамъ (126).

Сентября 7-го, ночью, въ укрѣпленіи Праово турки зажгли свои жилища. Это подало поводъ думать, что гарнизонъ, состоявшій отъ 6,000 до 7,000 человекъ, стѣсненный блокадою, намѣренъ оставить укрѣпленія и отступить. Командовавшій

(125) Донесеніе главнокомандующаго государю, отъ 7-го сентября, за № 174.

(126) Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695. Lit. С. № 7.

отрядомъ, полковникъ Цвилленевъ, послалъ довольно сильный отрядъ, чтобы открыть непріятельское намѣреніе.

Отрядъ нашъ нашелъ укрѣпленія очищенными турками, которые, бѣжавъ, оставили только горсть кавалеріи, имѣвшей назначеніе прикрывать отступление. При первомъ приближеніи нашихъ войскъ, кавалерія эта не выдержала натиска и, пользуясь темнотою ночи, разсыпалась по кустарникамъ, оставивъ укрѣпленіе въ нашихъ рукахъ.

Одновременно съ движеніемъ на Право было послано Старооскольскій мушкетерскій полкъ, подъ командою полковника Шмапскаго, имѣвшаго также въ своемъ распоряженіи и нѣсколько казаковъ, по направленію къ Неготину. Отрядъ этотъ долженъ былъ сдѣлать рекогносцировку и, если окажется возможнымъ, взять Неготинъ. При первомъ приближеніи, турки оставили Неготинъ и отступили въ Брегово, куда спѣшили также и турки, защищавшіе Право.

Не менѣе удачны были дѣйствія въ Сербіи и графа Орурка. Послѣ взятія Вани, гдѣ графъ Оруркъ переночевалъ, онъ выступилъ, 23-го августа, со всѣмъ своимъ отрядомъ, къ сербскому укрѣпленію Делиграду. Тамъ онъ узналъ отъ Чернаго Георгія, что непріятель, въ числѣ трехъ тысячъ, стоитъ противъ него, что укрѣпленіе Делиграда настолько сильно, что можетъ удерживать всякое покушеніе непріятели, тогда какъ, напротивъ, на рѣкѣ Моравѣ, противъ укрѣпленія Варварицы, находится лагерь самого Хуршида-паши, имѣвшаго подъ командою трехъ нашей, въ томъ числѣ извѣстнаго Имаила-бея, и до 15,000 войска. Верховный вождь сербскаго народа объяснилъ словесно графу Орурку, что Хуршидъ дѣлаетъ ежедневныя покушенія къ овладѣнію Варварицею и что болѣе сорока деревень въ окрестности этого укрѣпленія разорены имъ до основанія и по большей части сожжены (127).

Августа 24-го графъ Оруркъ выступилъ къ Варварицѣ и самъ, вмѣстѣ съ Чернымъ Георгіемъ, отправился на обзоръ мѣстности и расположенія непріятели. Графъ Оруркъ нашелъ невыгоднымъ атаковать турецкій лагерь со стороны Варварицы и потому просилъ Чернаго Георгія, чтобы тотъ приказалъ расчистить дорогу, въ обходъ къ прежнему укрѣпленію Десики, по хребту горъ между лѣсомъ, которую преслѣдуемые

(127) Рапортъ графа Орурка отъ 27-го августа, за № 824.

турками сербы завалили, устроивъ на ней различнаго рода преграды. Въ ночь съ 25-го на 26-е августа графъ Оруркъ двинулся по этой дорогѣ къ разоренному укрѣпленію Ясикки.

Хуршидъ-паша самъ выѣхалъ на рекогносцировку наступавшихъ войскъ и, видя только однихъ сербовъ, такъ какъ наши войска стояли за укрѣпленіемъ, построеннымъ въ одну общую густую колонну ⁽¹²⁸⁾, казалось, только торопиться, чтобы сербы вышли на равнину.

— Вы жаловались—сказалъ онъ своимъ туркамъ—что сербы никогда не дерутся съ вами на ровномъ мѣстѣ. Вотъ вамъ и равнина и сербы. Увидимъ теперь, стоитъ ли кормить васъ султанскимъ хлѣбомъ.

Паша приказалъ туркамъ собираться по ту сторону Моравы. Быстро сходились съ разныхъ сторонъ толпы непріятеля и стремительно двинулись на высланныхъ сербскихъ флангеровъ и эскадронъ сербскихъ казаковъ, бывшихъ подъ командою Волынскаго уланскаго полка ротмистра Эринга. Два раза сербы отражали натискъ; но постепенно увеличивавшіяся толпы турокъ заставили ихъ отступить къ нашему правому флангу. Въ этомъ отступленіи Хуршидъ видѣлъ побѣду. Онъ самъ переправился черезъ Мораву и атаковалъ укрѣпленія Ясикки, въ которыхъ находился центръ силъ отряда графа Орурка. Центръ состоялъ подъ командою Чернаго Георгія, въ распоряженіе котораго были отданы еще два орудія. Для подрѣзленія сербскаго вождя былъ поставленъ позади его отряда лейбъ-эскадронъ Волынскаго уланскаго полка, съ однимъ орудіемъ донской артиллеріи ⁽¹²⁹⁾.

Быстро шли въ атаку турецкіе стрѣлки, подрѣзляемые своею кавалеріею. Графъ Оруркъ развернулъ между тѣмъ свернутыя до того наши колонны, огонь которыхъ заставилъ отшатнуться турокъ и сосредоточить все силы противъ нашего праваго фланга, бывшаго подъ командою майора Воеводскаго. Новая атака была отбита нашимъ правымъ флангомъ, перешедшимъ въ наступленіе тогда, когда противъ лѣваго только что приготовлялось наступленіе Измаила-бея. Этотъ паша, стояв-

⁽¹²⁸⁾ Въ одномъ современномъ сербскомъ сочиненіи такъ описано расположеніе войска: „Такимъ образомъ перешли они (русско-сербскія войска) на Темникское поле къ Варварицѣ, гдѣ часть сербовъ заняла низменности Моравы, а другая построила шанцы. Графъ же Оруркъ, съ кареями своими, сталъ посреди поля, чтобы ни глазу его, ни пушкѣ его не препятствовали ни дубъ, ни кустъ“.

⁽¹²⁹⁾ Рапортъ графа Орурка Цвильеву, отъ 27-го августа 1810 года.

шій въ резервъ и видѣвшій неудачу своихъ, рѣшился еще разъ попытать счастья турецкаго оружія. Собравъ всѣхъ отступавшихъ и бѣжавшихъ въ одну толпу, онъ сталъ переправляться черезъ Мораву противъ лѣваго нашего фланга.

„Я не мѣшалъ ему въ оноу—пишетъ графъ Оруркъ — и лишь увидалъ, что переправилась нѣкоторая часть, велѣлъ подполковнику Савонни приказать майору Исаеву 4-му, съ взѣрненнымъ ему казачьимъ полкомъ, повести атаку на оныхъ, которая и была исполнена удачно.“

Измаиль-бей, несмотря на то, бросился черезъ рѣку для подкрѣпленія атакованныхъ казаками, и двинулся въ атаку нашего лѣваго фланга. Турки наскочили прямо на каре Ладожскаго полка, открывшаго убійственный огонь почти въ упоръ, остановились и заколебались. Два эскадрона Волынскаго уланскаго полка бросились въ атаку; непріятель однакожъ не принимая ея, бросился отступать въ разсыпную, переплывая рѣку и скрываясь въ дефилеяхъ и кустахъ. Графъ Оруркъ не приказалъ преслѣдовать турокъ, по причинѣ слишкомъ пересѣченной мѣстности. Онъ поставилъ нѣсколько орудій и приказалъ стрѣлять по отступающимъ ядрами и гранатами.

Такъ кончилось дѣло, въ которомъ сербы принимали самое живое и дѣятельное участіе. Даже бывшій при этомъ отрядъ сербскій священникъ не отходилъ отъ графа Орурка и передавалъ его приказанія сербскимъ военачальникамъ.

Хуршидь-паша, боясь наступленія соединеннаго отряда русско-сербскихъ войскъ, хотя и принужденъ былъ окопаться, но не отложилъ намѣренія снова попытать счастья. Сентября 5-го онъ переправился черезъ рѣку Мораву, зажегъ свой прежній лагерь и остановился опять близъ того же укрѣпленія Яссики. На слѣдующій день наши развѣды привезли извѣстіе, что непріятель отереть и идетъ по дорогѣ къ Варварицѣ, гдѣ расположены были сербскія войска и отрядъ графа Орурка.

Графъ Оруркъ, зная, что въ укрѣпленіи не могло помѣститься болѣе 600 чедовѣкъ, поставилъ передъ нимъ весь свой отрядъ и сербскія войска. Ладожскій полкъ сталъ въ двухъ кареяхъ; сербская пѣхота образовала также два каре; на флангахъ была расподожена кавалерія. Выславъ впередъ фланкероу и стрѣлкоу, онъ въ такомъ положеніи ожидаль непріятели. Хуршидь-паша, съ 15,000 войска, двинулся въ атаку и началъ тѣснить стрѣлкоу, отступавшихъ сначала на карей,

а потомъ бросившихся за фланги нашего расположенія. Очистившійся центръ открылъ картечный огонь, не остановившій, впрочемъ, въ первое время турокъ, отчаянно и съ крикомъ бросавшихся въ атаку. Болѣе восьми часовъ продолжалось сраженіе съ перемѣннымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ и кончилось только тогда, когда графъ Оруркъ могъ перейти въ наступленіе всею своею линіею, окончательно отбросившею толпы турокъ.

„Генераль-маіоръ графъ Оруркъ — доносилъ Засѣ (130) — похваляя отличную храбрость и мужество войскъ нашихъ и сербскихъ, рекомендуетъ особо отличившихся мужествомъ и благоразуміемъ: сербскихъ войскъ воеводу Велько, который, будучи раненъ въ сраженіи при Яссики и не выздоровѣвъ, еще былъ въ семь дѣлѣ и поступалъ съ отменною храбростію, расторопностію и усердіемъ и служитъ примѣромъ всему сербскому народу, какъ равно и Младенъ Миловановичъ, намѣстникъ верховнаго сербскаго воеводы, Михаилъ Филиповичъ Грицевичъ, секретарь совѣта сербскаго, явили отличнѣйшую храбрость и примѣромъ своимъ ободряютъ сербскія войска во всѣхъ случаяхъ.“

Н. ДУБРОВИНЪ.

---

(130) Главнокомандующему, отъ 11-го сентября, за № 2,604.